

Воспоминания о
Ю.Н.Рерихе

**Коллектив авторов
Т. О. Книжник
Воспоминания о Ю.
Н. Рерихе. Сборник,
посвященный 100-летию со
дня рождения Ю. Н. Рериха**

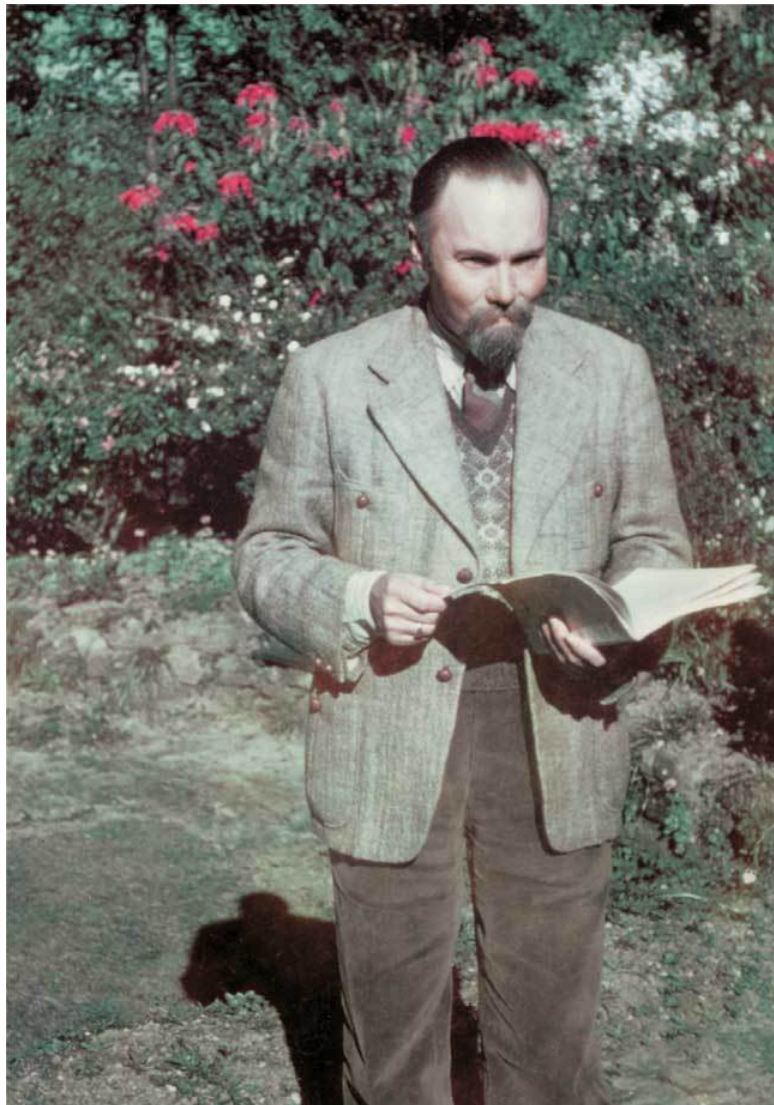
*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29192897
Воспоминания о Ю. Н. Рерихе. Сборник, посвященный 100-летию
со дня рождения Ю. Н. Рериха / [составитель Т. О. Книжник]:
Международный Центр Рерихов; Москва; 2002
ISBN 5-86988-122-6*

Аннотация

Сборник воспоминаний о выдающемся русском ученом-востоковеде и лингвисте Юрии Николаевиче Рерихе, чей столетний юбилей отмечается в августе 2002 г. Большая часть очерков публикуется впервые.

Содержание

От редакции	7
Слово о брате	10
«Величайший победитель в битве...»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Воспоминания о
Ю. Н. Рерихе. Сборник,
посвященный 100-летию со
дня рождения Ю. Н. Рериха
(составитель Т. Книжник)**

© Международный Центр Рерихов, 2002

* * *

От редакции

Выдающийся русский востоковед и лингвист Юрий Николаевич Рерих (1902–1960) был единственным из семьи Рерихов, кому удалось вернуться на Родину и поработать на благо «Страны Лучшей» (так называла Россию Елена Рерих), хотя отпущено ему было не так уж много... Однако за два с половиной года работы в Москве он сумел сделать то, на что у других ученых ушла бы целая жизнь: возродить школу российского востоковедения, создать отечественную школу тибетологии, впервые в советской России начать преподавание санскрита, а также заложить фундамент новой науки – номадистики (изучение кочевых племен). Много усилий приложил Юрий Николаевич к тому, чтобы вернуть Родине славное имя своих родителей. Он привез в СССР около 400 картин Николая Константиновича, которые были переданы в дар народу с условием, что они будут постоянно экспонироваться в картинных галереях, выступал с лекциями и докладами. Именно от него многие наши соотечественники впервые узнали о существовании Учения Живой Этики.

Самостоятельную научно-исследовательскую работу Юрий Рерих начинает уже в возрасте 21 года. В 23 молодой ученый публикует свой первый научный труд, посвященный тибетской живописи, а в 26 – за его плечами грандиозная Центрально-Азиатская экспедиция. Юрий Николаевич в со-

вершенстве знал свыше 30 языков, в том числе редкие тибетские диалекты, и это позволяло ему глубоко проникнуть во внутреннюю жизнь изучаемых им народов. По окончании экспедиции, в 1928 году, Юрий Николаевич возглавил Институт гималайских исследований «Урусвати», расположенный в долине Кулу, где протекала многогранная деятельность его отца, академика Николая Константиновича Рериха, матери, философа и писателя Елены Ивановны Рерих, и брата, художника Святослава Николаевича Рериха.

В 1934–1935 годах Ю. Н. Рерих вместе с отцом предпринимают экспедицию в Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, организованную по инициативе Департамента земледелия США. По возвращении из экспедиции он приступает к созданию фундаментального труда «История Средней Азии». Под термином «Средняя Азия» Юрий Николаевич понимал обширное пространство от Кавказа на западе до Большого Хингана на востоке и от Гималаев до Алтая. Это исследование представляет собой культурно-исторический обзор важнейших государственных и культурных образований Евразии.

Перу этого выдающегося востоковеда принадлежат такие основополагающие работы, как «Тибетская живопись» (1925), «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» (1930), «По тропам Срединной Азии» (1931), «Лахульский диалект тибетского языка» (1933), «К изучению Калачакры», «Сказание о царе Гесэре из страны Линг» (1942), пе-

ревод на английский язык знаменитого трактата по истории буддизма в Тибете «Голубые Анналы» (1946–1949), а также многочисленные статьи по вопросам тибетологии, лингвистики и культурного наследия Азии. Одним из главных трудов своей жизни Ю. Н. Рерих считал тибетско-англо-русский словарь с санскритскими параллелями, который вышел в свет уже после его ухода из жизни.

Юрий Николаевич Рерих безвременно скончался в Москве весной 1960 года.

Большую часть данной книги, посвященной столетию со дня рождения Юрия Николаевича Рериха, составили впервые собранные воспоминания людей, которые лично знали Ю. Н. Рериха после его возвращения на Родину в 1957 году (за исключением брата С. Н. Рериха и троюродной сестры Л. С. Митусовой). Одни общались с ним чаще и дольше, другие за неполных три года виделись всего несколько раз, но все сохранили в душе светлый облик этого великого ученого-патриота и необыкновенного, обаятельного человека. Редакция сердечно благодарит всех, кто согласился поделиться с читателями своими воспоминаниями, и не считает себя вправе осуждать тех, кто по тем или иным причинам отказался это сделать. Сборник иллюстрирован редкими фотографиями, предоставленными Ю. А. Арендтом, К. П. Беликовым (архив П. Ф. Беликова), В. С. Дылыковой, А. Н. Зелинским, а также фотоматериалами из архива Международного Центра Рерихов.

Слово о брате

Трудно в нескольких, скудных словах передать многогранный, глубокий, сложный и в то же время такой простой и прекрасный образ моего брата Юрия Николаевича.

Образ человека, отдавшего каждый момент своей жизни любимой науке, всегда старавшегося все сделать как можно лучше, как можно привлекательнее. Посвятившего себя служению ближним.

Истинно светлый образ. Всегда отзывчивый, добрый, заботливый и в то же время мужественный и сильный. Исключительной чистоты и честности.

Редко бывает, когда человек с самых ранних лет уже знал бы свой дальнейший Путь. Путь, который развивался и углублялся на протяжении всей жизни.

История, филология, археология – как-то сразу захватили Юрия Николаевича. Восток, и в особенности Средняя Азия, стали для него особой заветной мечтой. С самых юных лет он интересовался Египтом, Вавилоном и ближним Востоком, но уже пятнадцати лет увлекался Индией, а с семнадцати начал занятия персидским и санскритским языками в Лондоне в Институте восточных знаний под руководством сэра Денисона Росса (Sir Dennison Ross). К тому времени он уже знал латинский, греческий и многие европейские языки.

Быстро осваивается он с новыми предметами. В Лондоне

проводит все время, занимаясь в Британском музее, работая в библиотеках и посещая лекции и музеи.

В тысяча девятьсот двадцатом году он продолжает свою работу в Харвардском университете в Соединенных Штатах Америки с профессором Ланманом (Prof. Ch. Lanman), профессором Вудом (Prof. Wood) и другими.

Профессор Ланман сразу высоко оценил дарования Юрия Николаевича и уже тогда считал его будущим светилом. Получивши степень бакалавра и магистра Харвардского университета, он уехал в тысяча девятьсот двадцать втором году в Париж, где работал с профессором П. Пеллио (P. Pelliot), профессором Ж. Бако (Bacot) и другими известными учеными, изучая тибетский, китайский и другие языки и продолжая занятия историей, археологией и этнографией.

В конце 23-го года осуществилась его заветная мечта непосредственно соприкоснуться с Востоком. Он едет в Индию.

С этого года начинается его неразрывная, живая связь со странами его специальности. Он принимает участие в экспедициях, организованных и возглавляемых Николаем Константиновичем, и становится неразлучным и незаменимым сотрудником и помощником отца во всех его начинаниях.

В тысяча девятьсот двадцать пятом году выходит в свет его первая книга – «Тибетская живопись».

Все приобретенные раньше знания он мог теперь проверить и углубить на месте. Живой контакт с истоками его спе-

циальности дал ему незаменимый опыт. Здесь, на Востоке, он имел возможность ближайших контактов с крупнейшими специалистами и учеными. Эти непосредственные контакты дали ему не только исключительные знания, но и исключительное понимание условий, создавших древние культуры.

Юрий Николаевич – это образ истинного, вдохновенного ученого-мыслителя, человека высочайшей духовной гармонии. Он прекрасно понимал, что высшее достижение человека лежит в самоусовершенствовании личности, что только постоянно работая над самим собой и развивая в себе качества, присущие человеку, стремящемуся к более совершенной жизни, он мог всесторонне обогатить свою специальность и поднять ее над уровнем повседневности.

Его ранний уход – незаменимая утрата, с ним ушли не только его светлая личность, но и те замечательные знания, которые он обрел в контактах с выдающимися учеными Востока, бывшими тогда еще в живых, знания, которые он полностью так и не успел передать своим сотрудникам. Он был истинным, глубоким патриотом, всем сердцем любившим свою Родину. Когда Германия напала на Союз, он немедленно телеграфировал послу СССР И. М. Майскому в Лондоне с просьбой записать его добровольцем в ряды Красной Армии.

Его глубоко радовали кадры молодых ученых, которые росли на Родине, и он мечтал передать им все, что было накоплено.

Он активно помогал Николаю Константиновичу по проведению в жизнь Интернационального Пакта охраны культурных ценностей и всеми силами работал на улучшение отношений и взаимопонимание между народами Востока и Запада. Вся деятельность Юрия Николаевича была освещена горячим желанием послужить Великому Делу Мира.

Его многочисленные труды – драгоценный вклад в сокровищницу науки, его светлая жизнь – пример молодым, идущим на смену.

Святослав Рерих. Сентябрь 1962 г. Индия

«Величайший победитель в битве...»

*Если кто-нибудь в битве тысячекратно победил
тысячу людей, а другой победил бы себя одного,
то именно этот другой – величайший победитель в
битве.*

«Дхаммапада»

Интервью с П. Ф. Беликовым

Корреспондент: Что бы вы могли рассказать о Юрии Николаевиче, не только как об ученом, но и как о человеке, с которым вы общались?

Беликов: Говорить о нем трудно, но вместе с тем и легко. Трудно потому, что он был очень многогранным человеком. Я бы даже сказал – неожиданно многогранным. Круг его интересов распространялся далеко за пределы той научной области, в которой он проявил себя крупным ученым-востоковедом и лингвистом. Неожиданно для себя вы открывали, что ему близки вопросы, ничего общего с лингвистикой или востоковедением не имеющие. И он прекрасно в них ориентируется. С другой стороны, говорить о Юрии Николаевиче легко или даже, скорее, радостно, потому что воспоминания о нем всегда преисполнены тем воодушевлением и радостью,

которые он нес людям; общение с ним, как мне кажется, у любого человека складывалось легко.

К. Расскажите, пожалуйста, когда и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Юрием Николаевичем?

Б. Впервые с Юрием Николаевичем я встретился только по приезде его в Москву, в 1957 году, но по переписке, заочно, знал его много раньше. Еще в 1938 году Николай Константинович Рерих написал мне о том, что они разыскивают книгу Поппе «Грамматика монгольского языка», изданную в том же году в Ленинграде. Сам я работал тогда в «Международной книге» в Таллинне, в представительстве советской книги; я достал требуемую книгу и предложил свои услуги по ознакомлению с советской научной литературой, поскольку заказывал ее для Эстонии и следил за всеми каталогами, вплоть до «Книжной летописи». Вскоре пришло письмо от Юрия Николаевича, в котором он благодарил за предоставленную ему возможность получать нужные издания из первых рук – в то время Индия была еще английской колонией и прямых контактов с Советским Союзом не имела. К письму Юрия Николаевича был приложен список разыскиваемых им книг.

К. Получается так, что Вы познакомились заочно с Юрием Николаевичем, благодаря Николаю Константиновичу. Ну, а как же началась Ваша переписка с Николаем Константиновичем? Ведь, насколько мне известно, он посетил Европу последний раз в 1934 году, да и то лишь проездом оста-

навливался во Франции. Какой повод был у Вас, чтобы обратиться к нему?

Б. Честно говоря, — никакого. Какой достаточно «весомый» повод может быть у 25-летнего молодого человека, чтобы обратиться с письмом ко всемирно известному художнику, ученому и общественному деятелю? Я очень любил искусство Рериха, высоко ценил его научную, культурную и общественную деятельность, иногда выступал с докладами о нем и хорошо знал, что таких как я тысячи в нашем огромном мире. Поэтому при всем своем большом желании я и не помышлял сам писать к нему.

К. И все-таки?..

Б. Все-таки произошло нечто такое, что можно назвать одним из «чудес Востока». В один прекрасный день я обнаружил в своем почтовом ящике письмо из Индии от Николая Константиновича Рериха. Можно было поверить в чудо, однако все «чудеса», связанные с Рерихом, имеют вполне реальную почву. Позднее, из переписки с ним, я догадался, что обо мне Николаю Константиновичу сообщил один литератор, проживавший в Таллинне. У самого этого литератора отношения с Рерихом складывались неважно и, казалось бы, не могло быть ничего хуже, чем его рекомендация. Тем не менее Николай Константинович почему-то счел нужным послать мне письмо. Письмо Рериха очень вдохновило меня, и я начал собирать материалы о его жизни и деятельности. Так у меня с годами сложился большой архив, которым сейчас

широко пользуются наши искусствоведы. Этот архив позволил мне написать биографию Н. К. Рериха и принять активное участие во всем, что связано с творческой деятельностью всех членов его семьи. Однако мы отклонились от нашей основной темы – беседы о Юрии Николаевиче.

К. Да, так всегда получается и, очевидно, так и должно быть – о ком бы из Рерихов ни зашла речь, невольно переключаешься на остальных членов семьи, настолько тесно связаны они в своей культурной деятельности, так близки духовно друг другу.

Б. При этом следует отметить, что каждый из них отличался яркой индивидуальностью не только в своем творчестве, но и по своему характеру. Да и внешне они мало походили друг на друга, хотя в каждом из них можно было сразу признать одного из Рерихов.

К. А чем отличался Юрий Николаевич? Что бы Вы сказали о его облике, о наиболее свойственных ему чертах характера?

Б. Прежде всего, на вас производила впечатление необыкновенная подвижность Юрия Николаевича, его мгновенная реакция на окружающее – и это при полнейшем отсутствии каких-либо признаков суетливости. Довольно редкое сочетание человеческих качеств, не правда ли? Фотографии Юрия Николаевича тоже подтверждают это его качество – среди них нет или почти нет похожих одна на другую. Конечно, подвижность исчезает в статическом моменте фотоснимка, ее

можно уловить лишь при живом общении с человеком. Интересен, например, такой факт: когда у Святослава Николаевича спросили, почему он, создавший столько замечательных портретов Николая Константиновича и Елены Ивановны, не написал ни одного портрета Юрия Николаевича, он ответил, что Юрий Николаевич был совершенно не способен позировать – его постоянно отвлекали другие дела, к которым он устремлялся как внешне, так и внутренне, всеми своими помыслами. И потому было сделано лишь несколько эскизов и ни одного законченного портрета.

К. Как известно, Юрий Николаевич был большим ученым-лингвистом и востоковедом. Вероятно, это как-то сказывалось на его общении с другими людьми, на укладе его жизни?

Б. На укладе жизни, возможно, сказывалось. Он очень много времени уделял научным дисциплинам, непосредственно связанным с его работой, следил за всеми смежными областями, собрал уникальную библиотеку и вообще стремился быть в курсе всего, что предлагала мировая наука в области востоковедения. Но в общении с людьми – я бы этого не сказал. Юрий Николаевич был очень скромный человек и не выставлял своих знаний напоказ. Знания его тонули в той душевной теплоте, в той деликатности, с которой он обращался к людям. Он был одинаково внимателен и участлив ко всем, с кем соприкасался, и для него не имело значения, чем занимается данный человек – близкой ли к его интере-

сам наукой или нет. В человеке он, прежде всего, искал человека и именно к нему обращался; ну, а все остальное, как то: образовательный ценз, занятия, национальность, мировоззрение, – все это отодвигалось на второй план. Если чего и опасался Юрий Николаевич, так это того, как бы незаслуженно не обидеть человека. Таким образом, главным в его общении с людьми было проявление деликатности. Однако из этого не следует делать вывода о мягкости его характера, о готовности уступать и жертвовать своими убеждениями. Мы привыкли обычно связывать деликатность с мягкотелостью. Между тем, качество деликатности скорее указывает на отсутствие грубости в характере человека. Могу подтвердить, что от любого проявления грубости Юрия Николаевича просто коробило.

К. Да, у Вас уже вполне сложившийся образ Юрия Николаевича. Вы пришли к этим заключениям на основании длительного общения с ним или после внимательного изучения биографических материалов?

Б. Скорее всего и то, и другое. Непосредственного личного общения с Юрием Николаевичем у меня было не так уж и много. Жил я всегда в Таллинне, а в Москве бывал только наездами, что не позволяло мне видаться с ним часто. Правда, недостаток личного общения восполнялся перепиской. Однако ключ к разгадке человеческой сущности лежит все-таки в личном общении. Откровенно говоря, если бы мне не довелось лично повстречаться с Юрием Николаевичем, у

меня сложилось бы о нем иное мнение. Сколько бы я ни изучал его жизнь и деятельность по документам, я бы, наверное, не смог почувствовать того, что непередаваемо на бумаге, — удивительного обаяния личности Юрия Николаевича. В интонации каждого слова, в каждом жесте Юрия Николаевича заключалось обаяние, покорявшее собеседника. Это обаяние как бы обволакивало вас особой интимностью, углубляя смысл слов и придавая общению необыкновенную доверительность. Наверное, каждый собеседник думал, что такое отношение проявляется только к нему. Однако это был обычный подход Юрия Николаевича к людям, окружавшим его.

К. Не могли бы Вы припомнить обстоятельства, при которых впервые встретились с Юрием Николаевичем?

Б. Конечно, могу. Хотя со дня его кончины прошло более двадцати лет¹, образ его стоит передо мной как живой. Это не удивительно — ведь почти такой же период отделял начало моей переписки с ним от того момента, когда я, приехав в Москву, позвонил Юрию Николаевичу в Институт востоковедения. Там я его не застал, но мне дали его домашний телефон. Набираю номер, трубку поднимает он сам. Назвав свою фамилию, напоминая, что это я высылал ему когда-то советские издания. Однако напоминание оказалось излишним. Юрий Николаевич отличался завидной памятью. Он сразу назвал меня по имени и отчеству, спросил, где я нахожусь

¹ Интервью дано в декабре 1981 года. — *Ред.*

и не могу ли сразу к нему подъехать. Дело было к вечеру. Я взял такси и через полчаса был возле дома на Ленинском проспекте, где он жил. Юрий Николаевич уже ждал меня. Он открыл дверь на мой звонок, мы поздоровались, и он проводил меня в свой кабинет. В кабинете, заставленном книжными полками, царил полумрак, горела лишь настольная лампа на большом письменном столе.

Показав на полки с книгами, Юрий Николаевич сказал: «Чувствуйте себя, как среди старых знакомых, – среди книг много тех, которые Вы посылали мне. Они вернулись на свою родину вместе со мной». Проговорив это, он тепло обнял меня за плечи и усадил на стул. Тут я впервые почувствовал то обаяние, которое исходило от Юрия Николаевича и от всей окружающей его обстановки и которого, конечно, никогда не познаешь даже при самом тщательном изучении документов о человеке. В тот незабываемый для меня момент сразу исчезли все разделяющие людей перегородки. Мне показалось, что я уже очень давно сижу в этом уютном полумраке кабинета, и безо всякого напряжения между нами потекла сердечная беседа давно не видевших друг друга людей.

К. И о чем же, если не секрет, вы начали говорить?

Б. Разговор начал Юрий Николаевич. Он подробно расспросил, как прожил я эти годы, как отзывалась на моей жизни война. Узнав обо всех бедах и опасностях, которые мне, как и большинству советских людей, пришлось испы-

тать, Юрий Николаевич сказал: «Если Вы после всего этого остались в живых, значит, Вы еще будете нужны. Я считаю, что все, испытавшие на себе с риском для жизни это трудное время, пригодятся еще для чего-то важного. Надо так сделать, чтобы пригодиться. Жизнь была продлена авансом, а всякий аванс нужно погашать делами». Затем я расспросил Юрия Николаевича о неизвестных мне деталях из их жизни и разговор незаметно перешел на более общие темы. Тут Юрий Николаевич как радушный хозяин предложил пройти в столовую, выпить чашку чая. Но, признаться, я был так взволнован этой первой нашей встречей, так не хотелось мне разбавлять ее чем-то обыденным, что от чая я отказался, объяснив причину своего отказа. Юрий Николаевич понял мое состояние и не настаивал на чаепитии. Он зажег верхний свет и стал показывать незнакомые мне картины Николая Константиновича.

Особенно сильное впечатление произвело на меня полотно «Гесэрхан». Эта картина, созданная в 1941 году, была подарена Юрию Николаевичу ко дню рождения его отцом. К ней так и просились строки Александра Блока:

«И вечный бой! Покой нам только снится...»

Мне сразу открылась близость данного сюжета натуре Юрия Николаевича. Как и Гесэр, он был по складу своего характера воин. Внешний вид кабинетного ученого был лишь доспехом этого воина. Его деликатность была ничем иным, как оружием против царящей в мире грубости. Он не счи-

тал, что подобное изживается только подобным. На картине всадник с натянутой тетивой лука, верхом на гордом благородном коне целился очень далеко — куда-то в пылающее красным заревом небо. Это был, скорее, вызов грядущему, нежели преследование какого-либо врага. Смотреть далеко вперед и быть готовым вступить в бой за лучшее будущее человечества — таким качеством наделил своего героя Гесэра монгольский народ. Это качество в полной мере было свойственно и Юрию Николаевичу Рериху. Всем своим обликом он как бы подтверждал слова нашего поэта:

Сердце —
молодость мира —
ты бьешься в груди.
Настоящее счастье
всегда впереди!

В. Луговской «Ночь весны»

Сердце у Юрия Николаевича было действительно молодым, и устойчивость он находил, вопреки мнению большинства, скорее в полете, нежели в неподвижности.

Моя первая встреча с Юрием Николаевичем затянулась почти до полуночи. Вообще, что греха таить, трудно было от него уходить; все мы злоупотребляли его гостеприимством.

К. Скажите, а какие темы Вы затрагивали с ним в последующих беседах? Как он расценивал современность? Интересовался ли устремлениями молодежи?

Б. Думать о будущем и не интересоваться молодежью – это было бы пустой фантазией. Юрий Николаевич отнюдь не был фантазером. Он исходил всегда из современного положения вещей и, зная, что конкретными носителями будущего являются новые поколения, трезво оценивал нашу молодежь. Когда я однажды спросил его, как он относится к излишней жажде материальных благ у молодежи, к погоне за «красивой жизнью», он ответил: «В этом нет ничего страшного. Народ слишком изголодался за войну, хочет жить лучше и порою захватывает лишнее. Один раз должно наступить естественное насыщение или даже пресыщение и положение изменится. Жажда знаний, потенциал которой очень велик, возьмет верх над потенциалом «красивой жизни». Я верю в это». Конечно, Юрий Николаевич не идеализировал молодежь, знал, что необходимо преодолеть еще много соблазнов, но он верил, что они будут преодолены. Так несколько иронически смотрел он на увлечение западными образцами и считал, что такое внешнее подражание внешним и останется, оно не затронет самого главного в человеке, того, что принесла с собою революция, – стремления к справедливости и чувства сопричастности ко всему, что происходит в мире. Юрий Николаевич абсолютно точно отмечал некоторую разбросанность, отсутствие четко намеченных целей у молодежи. Он говорил, что молодые люди часто бросаются на новинку, не разобравшись хорошенько, что к чему. Это чаще всего своего рода погоня за модой, за сенсацией,

и Юрий Николаевич с чувством юмора не раз говорил, что жертвой такой «моды» был он сам. Его появление в Институте востоковедения вызвало своего рода сенсацию среди учащихся – как никак, человек приехал из Индии! Заниматься у него посчитали нужным многие, и нередко между ним и будущими аспирантами происходили примерно такие диалоги:

– Юрий Николаевич, я хотел бы (хотела бы) попасть к Вам в аспирантуру.

– Благое желание. Что же именно Вас так интересует? Какие конкретно знания я могу Вам передать? Чем лично могу оказать Вам пользу?

Тут обычно наступала длительная пауза, которую прерывал совет Юрия Николаевича:

– Знаете ли, лучше подождем годик до того, как решать окончательно, к кому Вам следует определиться. Подумайте хорошенько над тем, что Вам надобно, а тогда уже видно будет – тот ли я человек, который может удовлетворить Ваши интересы.

К. А может быть, это можно объяснить повышенным интересом к личности Юрия Николаевича – ведь он был одним из Рерихов, что тоже немало значит?

Б. Возможно. Даже, наверное, так оно и было. Но это как раз и не нравилось Юрию Николаевичу. В «повышенном интересе» чаще всего сквозило неприкрытое любопытство, между тем как любопытство и жажда знаний – вещи совершенно разные. Сам-то Юрий Николаевич уже в пятна-

дцать лет хорошо знал, чего он хочет и у кого ему следует заниматься. Потому на двадцать первом году своей жизни он имел уже звание магистра индийской филологии. Юрий Николаевич считал, что до того, как чего-то добиваться, необходимо четко представить себе, чего именно ты хочешь. А этого как раз и недостает в большинстве случаев нашей молодежи.

Для молодых у нас действительно открыты все пути, но это отнюдь не означает, что следует все их испробовать, двигаясь вслепую за подвернувшимся случаем.

К. Хотелось бы знать, как воспринял в целом Юрий Николаевич свою жизнь на Родине? Ведь известно, что большую часть жизни он провел за рубежом, получил там высшее образование, работал в иностранных институтах. Вероятно, ему было несколько трудно переориентироваться в наших условиях?

Б. А он и не собирался этого делать. Юрий Николаевич остался самим собою. Ему это было легко, потому что ориентация у него всегда была русская. Он следил за всем, что у нас происходило, ему был совершенно чужд «западный» образ жизни, как и западнические тенденции в мировоззрении, тем более что в семье его всегда пользовались русским языком. Когда я у него спросил, не сказалась ли перемена места и условий жизни на его научной деятельности, он ответил: «В Советском Союзе люди науки имеют все необходимое для своей деятельности и обеспечиваются гораздо луч-

ше, чем в западных странах. Нужно только, чтобы работа их была направлена на пользу своего отечества».

Это условие, такое естественное для Юрия Николаевича, исходило из традиции всей их семьи. В свое время отец его, Николай Константинович Рерих, писал: «...Исполнилось четверть века наших странствий. Каждый из нас четверых в своей области накопил немало знаний и опыта. Для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг не отклонились мы от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским тропам. И Юрий, и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего. Юрий – в науке, Святослав в искусстве прочно укрепились. Разве для чужих?»²

Если все члены семьи Николая Константиновича чувствовали себя странниками, то, оказавшись в России, Юрий Николаевич, конечно, почувствовал себя путником, возвратившимся домой.

Мне очень запомнились его слова, сказанные им о судьбах России: «Ни одна капля крови, пролитая в революцию или в последнюю войну, не должна быть напрасно пролитой кровью. За это мы все в ответе».

² Н. Рерих. «Четверть века».

К. У Юрия Николаевича, вероятно, было сильно развито чувство ответственности?

Б. Безусловно. За все содеянное человек должен отвечать, и если он будет об этом знать заранее, то меньше будет недодуманных действий. Грешить для того, чтобы каяться, и каяться для того, чтобы спастись, – это Юрий Николаевич считал недостойным человека. Если ты совершил ошибку, подумай, как ее исправить.

К. Кстати, как Юрий Николаевич относился к религии? Мне приходилось слышать о его приверженности к буддизму. Насколько это отвечало действительности?

Б. Религиозные предрассудки и церковная обрядность Юрию Николаевичу, как и всем членам семьи Рерихов, были чужды. Он уважал чужие убеждения и те нравственные положения религии, которые сходятся с общечеловеческими положениями о морали. Выработанные веками, они крепко вошли в сознание человека.

В Индии, например, где религия до сих пор играет подавляющую роль в становлении нравственности, уважение к ней традиционно. Однако это не означало принадлежности или особой симпатии со стороны Юрия Николаевича к какому-либо церковным институтам. Будучи историком культуры, изучая историю религий, Юрий Николаевич придерживался научного мировоззрения, отличительной чертой которого было самое широкое допущение всего нового. Отрицание и узость, где бы они ни проявлялись – в науке или в ре-

лигии, — были ему не свойственны.

К. В начале беседы Вы упомянули о неожиданных для Юрия Николаевича увлечениях. Не могли бы Вы назвать некоторые из них?

Б. Неожиданными они, скорее, были для нас, чем для него самого. Например, нам непривычно было ожидать от ученого подлинного интереса к военному делу. Между тем, Юрий Николаевич серьезно изучал воинское дело на протяжении всей своей жизни. Среди книг его библиотеки были специальные труды о современных методах ведения войны. И интерес этот, что называется, был «врожденным». Как-то в одном из писем ко мне Николай Константинович сообщил о том, что ему попал в руки сельскохозяйственный журнал со статьей агронома Шаховского. Он попросил меня узнать, не Яков ли это Михайлович из Пскова, муж тетки Елены Ивановны, с которым они потеряли связь после революции. Я съездил в Печеры, где проживал указанный Шаховской, и установил, что Шаховские являются близкими родственниками Рерихов. Тогда-то Яков Михайлович и рассказал мне, что один из сыновей Рериха так увлекался в детстве военными, что не иначе как сделал военную карьеру. На это я ответил, что один из сыновей Николая Константиновича — ученый, а другой художник, и оба они ни малейшего интереса к военному делу не имеют. Однако, когда я сообщил Николаю Константиновичу о своем разговоре с Шаховским, он ответил мне, что действительно Юрий Николаевич с детства

интересовался всем, что касается воинского дела. Позднее я узнал, что в Париже он окончил специальную Офицерскую школу, что во время азийских экспедиций он организовывал их военную охрану по всем правилам и что до сих пор следит за всеми новинками тактики и стратегии воинского дела. Таким образом, когда в начале Отечественной войны Юрий Николаевич подал заявление на имя нашего посла в Лондоне И. М. Майского о готовности вступить добровольцем в ряды Красной Армии, он имел соответствующую подготовку и двигало им не только патриотическое чувство. Мне приходилось говорить с Юрием Николаевичем об опасности новой войны. В эту возможность он не хотел верить, но не исключал такого безумия со стороны врагов Советского Союза. Юрий Николаевич был истинный патриот своей Родины. «Молодежь должна быть ко всему готова», – говорил он.

К. Юрий Николаевич получил большую известность как лингвист-востоковед. Не могли бы Вы сказать, что сделал он в данной области и каков был его путь ученого?

Б. Путь его был всегда прямолинеен и в то же время достаточно широк. Юрий Николаевич отнюдь не относился к узким специалистам, избравшим одну часть обширной науки востоковедения. Он являлся скорее энциклопедистом в области истории культуры большого региона, охватывающего на севере Сибирь, на юге Цейлон, на Востоке Японские острова и на западе Балканы и Египет. Еще будучи гимназистом, он занимался у известного русского египтолога Б. А. Турае-

ва и у монголоведа А. Д. Руднева. В Лондоне он поступает в индо-иранскую школу восточных языков при Лондонском университете, где получает звание бакалавра индийской филологии. Свое образование Юрий Николаевич завершает в Парижском университете, где совершенствуется в санскрите, тибетском и монгольском языках, слушает курсы китайского и персидского языков. Среди его учителей были всемирно известные востоковеды Д. Росса, Ч. Ланман, П. Пеллиу, С. Леви, А. Масперо, В. Минорский и другие. Юрий Николаевич поражал широтой своих историко-культурных интересов, которые получили дальнейшее развитие и благодатную почву для практического применения в экспедициях, предпринятых в Азии его отцом. Юрий Николаевич в совершенстве владел русским, английским, французским, немецким, греческим, латинским, тибетским, монгольским, санскритом, пали, хиндустани, иранским языками, знал китайский, испанский, итальянский и многие другие языки и местные наречия. Ему были доступны любые первоисточники, так же как и разговорный язык в живом общении с аборигенами исследуемых стран.

Широкую известность приобрели работы Юрия Николаевича: «По тропам Срединной Азии» – книга переведена на французский язык и скоро появится на русском³; «Звериный стиль у кочевников Тибета»; «Голубые Анналы» – в обширном предисловии к этому переводу с тибетского (на ан-

³ Появилась в Хабаровском книжном издательстве в 1982 г.

глийский. — *Ред.*) Юрий Николаевич уделяет особое внимание чрезвычайно запутанной хронологии Тибета VII–IX веков, книга стала событием в мировой тибетологии. Он много сделал в этой области, перу его принадлежат четыре монографии по тибетскому языку, в которых прослеживаются фонетические, тональные, морфологические и синтаксические особенности тибетских диалектов на основе живой тибетской разговорной речи. Много сил уделил Юрий Николаевич изучению центральноазиатского эпоса о Гесэр-хане; писал статьи по археологии, по тибетскому буддизму, народным религиозным верованиям, по истории азиатских стран, фольклору и т. д. Им составлен большой тибетско-санскрито-англо-русский словарь, который подготовлен к печати и выпущен Институтом востоковедения Академии наук СССР. Известны его исследования культурных связей Индии с другими странами – с Китаем, Тибетом, а также исследования тибетско-китайских отношений, взаимовлияния тибетского и монгольского языков, эллинистического влияния на восточное искусство. Юрий Николаевич изучил также самый сложный буддийский астрологический трактат «Калачакра» и перевел с различных языков Азии религиозные тексты. В 1945 году им была опубликована большая статья «Индология в России», где он разбирал историю возникновения и развитие русско-индийских культурных, политических и научных отношений. Помимо того, Юрий Николаевич вел обширную педагогическую и организационную работу.

К. Да, ведь он возглавлял организованный его отцом Институт гималайских исследований «Урусвати». Что бы Вы могли рассказать об этой деятельности Юрия Николаевича?

Б. Юрий Николаевич был бессменным директором и участником большинства экспедиций института «Урусвати». Институт этот был единственным в своем роде, он занимался комплексным изучением Гималайского региона. Универсальность знаний Юрия Николаевича помогала ему активно руководить сотрудниками. Институт охватывал область археологии и смежных с нею наук и искусства, область естественных наук, включая древнюю и современную медицину и фармакологию, область лингвистики и фольклора. При институте функционировала биохимическая лаборатория, проводились исследования космических лучей, была собрана обширная библиотека со множеством древних манускриптов, открыт музей, где собирались многочисленные научные находки экспедиций. Издавался ежегодник «Урусвати», отображавший многообразную научную деятельность института. «Урусвати» обменивался научной информацией с 285 институтами, университетами, музеями, научными учреждениями всего мира. Координировать всю эту деятельность и руководить ею было непросто, однако Юрий Николаевич успешно справлялся с этой работой. В 1940 году «Урусвати» пришлось законсервировать, так как вторая мировая война нарушила все международные связи.

В настоящее время⁴

⁴ В 1981 году. – *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.